Женщина без тени

Автор:
Гуго фон Гофмансталь

Женщина без тени

Гуго фон Гофмансталь

Сказочный Император на охоте пытался подстрелить газель, но она превратилась в прекрасную девушку, впоследствии ставшую его женой. Однако, приобретя человеческий облик, женщина не сделалась человеком: у неё нет тени, и она не может стать матерью. Отец Императрицы, царь подземных духов Кейкобад, сообщает дочери свою волю: подобно всем людям, она должна иметь тень, иначе муж её превратится в камень, а она навсегда возвратится в подземное царство. До истечения срока остаётся три дня, а у Императрицы нет никаких надежд на спасение мужа…

Гуго фон Гофмансталь

Женщина без тени

© Гуго Фон Гофмансталь / Hugo von Hofmannsthal, 2021

Первая глава

Император был в покоях императрицы, чтоб укрыться от летнего зноя, она облюбовала себе покои на верхней террасе голубого дворца. Кормилица по привычке застыла на страже на террасе, ругая судьбу, которая отдала ее госпожу, фею и ревностно охраняемую дочь могущественного князя духов,

замуж за смертного мужчину, пусть даже он и император юго-восточных островов. В своем воображении она по-прежнему была вместе с доверенным ей ребенком-феей на одиноком маленьком острове, омываемом водами черного как смоль озера, окруженного семью лунными горами, где они вели спокойную уединенную жизнь. Снова ей казалось, что она смотрит на дитя-подростка, которое на ее глазах превращалось в ярко-красную рыбку и, светясь, скользило в темных водах потока, или принимало образ птицы и порхало в угрюмых ветвях. Но ее мечтания разорвало неприятное двоякое ощущение действительности. С непроизвольным вздохом она распахнула глаза и посмотрела в глубь чарующей темноты. Она обратила внимание на зарево над большим прудом. Свечение быстро приближалось, когда оно касалось макушек деревьев, они тоже начинали светиться. Ее сковал страх: это было существо с того света, к которому она тоже принадлежала, но уже больше, чем год, предстать перед которым ей не хватало смелости: однако это был не Кейкобад, отец ее госпожи, иначе она бы сильнее дрожала. Когда терраса озарилась светом, дыхание мира духов пронзило ее до мозга костей. Посланник стоял перед ней на плоской крыше в доспехах из голубой чешуи, которые плотно облегали его коренастое тело. Его иссиня-черные волосы были заплетены в косу, его глаза сверкали. «Кто ты? – испуганно спросила кормилица, – тебя я ни разу не видела». «Я двенадцатый, этого тебе должно быть достаточно, – ответил посланник. – Я здесь задаю вопросы, твое дело – отвечать. Носит ли в этот раз она нерожденного в своем лоне? Произошло ли в этом месяце то, чего мы все так боимся? То горе тебе и мне, и всем нам». Кормилица энергично замотала головой. «Итак она еще не отбрасывает тень?» – задавал дальше вопросы посланник. «Нет, – закричала кормилица. – Я могу заверить тебя в этом, как и одиннадцать тех, что приходили до тебя, как только проходил месяц. Она также отбрасывает тень, как если бы ее тело было из горного хрусталя. То, что она оставляет после себя, камни, траву или воду, сияет после ярче, чем изумруды и топазы». «Благодари своего создателя, что это так, стоя на коленях благодари, легкомысленная женщина, заслуживающая кары». «Легкомысленная! Заслуживающая кары! Я должна была своими руками словить юркую рыбку в воде? Я могла удержать за рога молодую строптивую газель? Зачем он дал ей дар перевоплощения? Так она попала в руки людей! Что толку от моей бдительности, моих постоянных страхов!». «Всех нужно проверять», – ответил посланник. «И почему, – возразила кормилица, – она снова потеряла свой волшебный дар, который ей сейчас так нужен, благодаря которому она могла бы снова избежать злого рока, также как она сюда попала!» «Все имеет свое время, иначе не было бы испытаний. Двенадцать лун прошло, осталось три дня!» «Три дня!» – закричала кормилица, переполненная радостью. Посланник строго посмотрел на нее: «Кто научил тебя, – сказал он, – сравнивать мгновения? Соберись и не спускай с нее глаз.

Золотая вода странствует по свету, будет не очень хорошо, если она ее встретит». «Вода жизни? – закричала кормилица, – я никогда не видела ее, бьющую ключом, я знаю, она полна таинственных даров, она может помочь ей получить тень?». Она бы продолжила расспросы, но ей показалось, что она слышит позади себя в спальне какой-то шорох. Она повернула голову и увидела бледный свет от лампы императора. Оставив свою спящую жену, он стоял полностью одетый. Кормилица поспешно обернулась – посланник исчез, свет, который его окружал, казалось, заполнил собой всё вокруг. Император легкой поступью прошел мимо фигуры кормилицы, она склонилась к полу. Он также мало обращал на неё внимания, как если бы перед ним лежал кусок ковра. Он устремился к краю крыши, подняв голову, всматривался в сумеречную даль. Свежий ветер принес ему из заоблачной дали то, что он хотел услышать. В тишине платановой аллеи ему подвели коня, по его приказу копыта были, как всегда, обмотаны материей; по привычке, задолго до того, как забрезжит белый день он выезжал на охоту, оставив свою дремлющую супругу, вечером он возвращался только тогда, когда уже факелы горели на балюстрадах лестницы, а комната была заполнена мягким светом девяти ламп. Тем не менее, ни одну ночь на протяжении этого года, двенадцать месяцев которого приближались к концу, он не провел вдали от своей жены. Кормилица вошла внутрь и присела в ногах спящей, на краю кровати; с двойственным чувством нежности она смотрела на свою воспитанницу. Она вытащила лампу и отвела её в сторону: ни намека на тень на стене от головы, плеч, тонких красивых бедер. Спящая металась во сне, ее лицо исказилось от боли, легкий стон вырвался из горла и сорвался с губ. Внезапно она открыла глаза, поднялась в кровати, как дикий зверь, который сбрасывает сон в мгновение ока, она оправилась от сна. «Он уехал, – сказала она. – И в этот раз будет отсутствовать три ночи». Кормилица вздрогнула, она вспомнила слова посланника, но быстро совладала с собой. «Что ты видишь во сне? – спросила она второпях, – твои сны ужасны». «Он отправился в горы на поиски своего красного сокола, – сказала императрица. – И не успокоится, пока не найдёт его, даже если ему понадобится для этого тридцать дней и тридцать ночей». «Горе нам, что мы оказались среди людей, – завела кормилица. – Это так далеко зашло, что ты во сне уже выглядишь почти как им подобная!» «Почему ты не оставила меня спать? – закричала императрица, – что я буду делать всё это время, если бы я могла отправиться вслед за ним, ах, почему я только потеряла талисман». «Безутешный ребенок, как могла ты его потерять! Разве я не говорила тебе беречь его как зеницу ока, от него зависит твоя судьба». «Разумеется я не знала, что в нём кроется моя сила, которая позволяет мне перенестись в тело животного. Теперь я знаю и наказана за это. Если бы он по-прежнему был у меня, как радостны были бы мои дни, вместо этого пустые печальные дни в веренице счастливых ночей. Что за жизнь была

бы, как хотела бы я каждый день в новом образе падать в руки моего господина!». «Всему приходит конец», – угрюмо сказала кормилица. «Неужели ты думаешь, – оживилась императрица, – он смог бы меня так быстро тогда заполучить, если бы его красный сокол не сел мне на голову и не ослепил меня беспрерывными ударами своих крыльев, искры посыпались из моих глаз, и я упала в колючем кустарнике». «Он правда мог пустить в тебя стрелу, убийца, незрячее исчадие ада?». «Ты хотела бы, чтобы он узнал меня в этом облике?» – возразила императрица. «После этого он мне часто клялся, что взгляд газели заставил дрогнуть его руку, и стрела как колючка лишь поцарапала мне шею, вместо того, чтоб пронзить мне горло». Приглушенное проклятие сорвалось с губ кормилицы. «Скорее не взгляд мой выдал меня, это было тогда, когда я, быстрее, чем я это сейчас говорю, вернулась в свой привычный образ и в мольбе подняла к нему руки. Он уже спрыгнул с коня и нацелил в меня второе оставшееся копьё. В его налитых кровью глазах был дикий азарт преследования, черты лица напряжены. И я, которая полюбила его с самого первого взгляда, которую постоянно манило безудержно к нему, содрогнулась и в страхе закричала перед лицом смерти. И только этот крик, так он мне сказал, заставил его очнуться от этой одержимости, и это спасло нам обоим жизнь. Но никогда, – она тихо добавила, – ни одна женщина не испытала на себе зрелища этого величественного преображения своего возлюбленного: от смертельной угрозы охотника к мягкой умиротворенности возлюбленного. И только один раз я стала его, и никогда больше это не повторится, никогда больше я не увижу такого перехода на его лице». Она снова открыла глаза и продолжила: «Он клялся, что смертный человек, как он, не сможет пережить большего одного раза в жизни чувство счастья такой внезапной силы. Должно быть, это правда, непосредственного после этого я видела его, он был будто одержим, когда его красный сокол попался ему на глаза, он бросал камни ему вслед, в бессмысленной ярости трижды направлял на него кинжал, за то, что тот своими крыльями бил мне в лицо, и никогда не забуду этот взгляд, который бросил окровавленный сокол, сидя на высоком камне, на своего господина в последний раз, перед тем как обернуться и неровными судорожными взмахами крыльев исчезнуть в темноте». Кормилица поднялась и вышла на плоскую крышу; историю этой охоты и первых часов любви она знала достаточно хорошо: каленым железом это было выгравировано в ее душе. Судьба сокола ее беспокоила также мало как счастье возлюбленного, пламя страсти которого не охладила вереница трехсот ночей. Её грела одна мысль: она с нетерпением ждала восхода солнца, сумерки ей были невыносимы: все существа должны отбрасывать тень, чтобы одна единственная, которая не имеет тени, еще величественнее выделялась на их фоне; каждым взглядом ловила она подтверждение того состояния, которое, продержись оно еще три дня, связано с

устрашающим поворотом судьбы. В нетерпении она смотрела на небо, которое уже озарилось светом зеленоватой бирюзы: ее острый взор увидел птицу, которая кружила на самой высоте; но отблески солнца ее тоже не коснулись. Императрица тоже вышла, кормилица снова спросила: «Что тебе снилось перед пробуждением?». «Я думаю, люди», – ответила императрица. «Довольно мерзко, – ответила кормилица. – Это можно было прочитать на твоём лице, что тебе снится что-то отвратительное. Горе нам, что мы здесь, горе тому, чья это вина». «Почему лица людей так дики и отвратительны, а лица животных так красноречивы и красивы?» – сказала императрица. «Ее пугают ему подобные, – пробормотала кормилица, – его она не видит». «Если бы обернуться гадюкой и скользить в струящемся горном потоке, – сказала императрица. – По наитию находить его след как змея на земле и как коршун в небе – это блаженство, но любовь больше». «Привязываться к людям, – пробормотала кормилица, – это лить воду в дырявую бочку». Императрица увидела сокола, который парил в небесной выси, а кормилица с радостью отметила отблеск солнца на его крыльях. Казалось, он медленно спускался, но свет был с ним: его когти сверкали как драгоценные камни, или он держал драгоценный камень в своих когтях. «О счастливый день, – воскликнула императрица, – это красный сокол, любимец моего господина! Он исцелился от своих ран, он нас простил». Сокол, расправив крылья, застыл в воздухе. «Талисман, – закричала императрица, – он у него, он мне вернет его». Кормилица бегом принесла расшитое жемчугом, сияющее драгоценными камнями покрывало из зеленого шелка. Они расправили его перед соколом. «Смотри, как мы ценим тебя и твои подарки, ты прекрасный, – закричали они, – ты величественный, ты бесстрашный!». Одним взмахом крыльев сокол дугой поднялся вверх, потом внезапно спустился вниз с потоком ветра вскользь лиц обоих женщин, в мгновение ока птица воспарила в воздух, на одеянии лежал талисман. Письмена, выгравированные на плоском, бледно-белом камне горели огнем и вздрагивали сияющими отблесками. «Я могу прочитать надпись», – сказала императрица и побледнела. Кормилица вздрогнула, она никогда не понимала этих знаков: внезапная мысль пронзила её, она быстро схватила камень, хотела вырвать его, скрыть надпись, но было поздно, письмена были прочитаны и смысл молнией проник внутрь. Застывшей рукой императрица держала перед собой талисман, как будто сквозь него она смотрела в бездну; это были не слова приговоренного, страшнее застывшего в груди хрипа прозвучали они: «Проклятие и погибель смертному, кто снимет этот пояс, в камень обратится рука, окаменеют очи, что его направляли, живой ум вкусит вечную смерть языком жизни – срок обозначен движением звёзд». «У меня такое чувство, – сказала императрица, рука ее поникла, – что я знала это с колыбели, возможно, мой отец нашептал мне это, когда я спала, горе мне, что я могла это забыть!». Кормилица застыла как изваяние. «Теперь я понимаю то, что

не понимала», – сказала императрица и повесила талисман на жемчужной нити у себя на груди. Ее широко распахнутые глаза не ведали, что творили ее руки: «Тень – это моя тень, которой у меня нет, я слышала, как мой господин говорил своему поверенному: «Я не хочу сидеть во главе суда и выносить своим людям смертный приговор, пока я не искупил свою жизнь перед землей. Я не знала, что это темное пятно для них так много значит. Проклятие на мою голову, что я равнодушно могла внимать этому, как будто это меня не касается! Я стану его смертью, потому что хожу по земле и не отбрасываю тень!». Оцепенение сменилось смертельным страхом. Невозможно выразить словами желание спасти любимого. Она обняла кормилицу: ей казалось, что помощь и спасение могут прийти только от этой единственной подруги, в объятиях которой ребенком спасалась от своих страхов и нужд. «Ты никогда не оставляла меня в беде, – закричала она и обхватила с силой старуху, – помоги мне, моя единственная! Ты мне всё простила, отправилась за мной с нашего острова, пробралась за лунные горы, три месяца скиталась по городам и деревням, пока не узнала, где я, жила среди людей, к которым испытываешь отвращение, ела и спала сними, делила с ним один воздух, и всё ради меня, помоги мне, от тебя ничего не скроется, ты найдешь пути, тебе откроются возможности, условия тебе известны, ты знаешь, как обойти запретное! Помоги мне с тенью, моя единственная! Покажи мне, где её найти, даже если мне придется сбросить одежды и отправиться за ней на дно моря. Укажи, как мне её купить, даже если придется всё за это отдать, что щедрость моего возлюбленного возложила на меня, да, половину моей крови из моих артерий!». Молчание кормилицы напугало её еще больше, она хотела посмотреть ей в лицо. В этот миг первые солнечные лучи факелами вонзились в комнату. Отталкивающее коварство застывшего лица кормилицы поразило её, она почувствовала себя покинутой как никогда в жизни, спутница её детских лет покинула её, она осталась одна. Но она была из тех существ, чья сила увеличивалась по мере сопротивления. «Ты знаешь это, злобная старуха, – закричала она, – ты всегда знала это, ты радовалась близости этого, ты и срок знаешь, и с радостью ждешь дня, который меня убьет, как считают дни до праздника. Это и есть праздник для тебя, он настанет и принесет тебе награду или смягчение наказания, мой отец узнает, что стало платой за трусливое, лживое сердце. Ты в одном просчиталась, ты хотела оставить меня в неведении, в ожидании трагедии, но явился небесный сокол и предупредил меня. Я очнулась и знаю о том, что мне из-за тебя уготовано. Я не хочу знать срок, возможно пробил последний час, я превращусь в камень, если бы знала это. Я ни о чем тебя не прошу, я тебе приказываю раздобыть мне тень, и, если плата за это будет твоя и моя жизнь, пусть наши бьющиеся сердца превратятся в камень. Мой отец далеко, а я здесь, поднимайся и веди вперед, я за тобой, раздобудь мне высочайшим именем тень! Здесь и

сейчас начинается путь, сегодня, а не завтра, сию мить, а не когда взойдет солнце». Кормилица задрожала, она не знала, что ответить, всё, на что была способна её хитрость, всё, что почти сплелось в ощутимое освобождение, все исчезало на её глазах. Спящая, вздрагивающая от боли, похожая на земную женщина смотрела на нее с пренебрежительной нежностью, граничащей с ненавистью. Перед ней сейчас стояла непреклонная госпожа, готовность услужить охватила старуху от пяток до макушки. Она подыскивала непонятные утешения. «Ни слова, – закричала госпожа, – если это не указание пути, ни каких отговорок, ни какого промедления, секунды сжигают мое сердце». «Дитя, возможно, я знаю путь и догадываюсь даже, при каком условии можно получить тень…». «Вот оно, – закричала молодая женщина, – туда! Ты впереди, я за тобой, сию же минуту». «Приобрести – это не совсем правильное слово, – пробормотала старуха, – заслужить, возможно, обманом выманить у законного владельца». «Туда, где этот человек живёт, даже если это дракон со своим выводком!». «Может, и похуже, ты не думала?». «Вперёд, ты, сомневающаяся, с раздвоенным языком, – закричала госпожа в гневе и подняла старуху с пола. – Ты хуже, чем дракон для меня». «Хуже дракона, отвратительней для глаз, отталкивающей для души, – сказала старуха и пристально посмотрела молодой женщине в лицо, – есть человек». «Веди меня к человеку, которому не нужна его тень, что я смогу купить, я буду целовать его ноги». «Безрассудное дитя, – закричала кормилица, – ты не знаешь, что ты говоришь! Разве не содрогаешься ты от них даже в своих снах, так мало ты о них знаешь? А сейчас ты хочешь с ними жить? С ними договариваться? Слово за словом, вздох за вздохом? Терпеть их взгляды? Подчиняться их злобе? Лебезить перед их низостью? Им служить? Это будет. Тебя это не отпугивает?». «Я хочу тень, – закричала императрица, – пойдем, я буду служить одному из них ради тени. Где этот дом, отведи меня туда! Я хочу!». «Дом? – ответила кормилица, ее взор затуманился, – если бы я знала, где он, мы были бы дальше, чем мы есть. Мы должны его найти». Молодая женщина глотала слова старухи: она поняла, что то, что она сейчас сказала, правда и побледнела еще сильнее. «Ты не знаешь ни человека, ни дом, – прошептала она, – значит, мы вдвоем будем искать и найдем, ты впереди, я за тобой». Её мужество поднималось как пламя в алебастровом сосуде. «Я знаю, что они готовы продать что угодно, это всё, что я знаю», – сказала старуха. «Вставай и пиши письмо своему повелителю». «Что я должна писать?» – спросила императрица послушно как дитя. Умная старуха указала, что сказать в письме. Это должно скрыть их отсутствие в голубом дворце, без намека на то, что её пугало и тем более о том, что она намеревается предпринять. Она грациозно держала лист из выделанной лебединой кожи на ладони левой руки, а правовой выводила знаки, рука тяжелела, всхлип за всхлипом слетал с её губ. Безобидные письмена, выводимые её рукой, казалось, могут оповестить о приближении

трагедии. Всё, казалось, имело двойной смысл, даже красивые знаки казались устрашающими, вперемежку со всхлипами она завершила письмо, кристальная слеза упала на лебединую кожу. Кормилица наблюдала, не понимая, что в этом сложного. Она взяла письмо из её руки, скрутила и согнула пополам, обернула расшитым жемчугом платком и положила в чехол из позолоченной кожи. Императрица скрепила ушки чехла лентой из её волос, завязала узлом, развязать который было под силу только императору. Письмо упаковано и отдано гонцу, искусному всаднику, что знал дорогу.

Вторая глава

В то время, как он направил своего резвого иноходца вдогонку охоте, кормилица, а вслед за ней и императрица, скользя по воздуху, спустились в оживленном городе юго-восточных островов. На них была бедная одежда, старухино платье из черно-белых лоскутов делало её похожей на пятнистую змею, молодая женщина выглядела еще более неприметнее, ее сияющее лицо, намазанное темным соком, изменилось до неузнаваемости. Никто не обращал на них внимания, они устремились вдоль реки, которая пересекала город. Желтоватая вода несла вниз крупные пятна темной краски, которые постоянно пополнялись из района красильщиков, расположенного за мостом; с другого берега, где стояли низкие дома дубильщиков и сыромятников, доносился смрад дубильной коры, на склонах сушились растянутые шкуры животных, прикрепленные маленькими деревянными колышками. По эту сторону жили кузнецы и гвоздильщики, в воздухе звенели падающие молоты, горел открытый огонь и стоял запах жженных копыт. Кормилица зашагала быстрее, ее поступь стала более уверенной, как будто она напала на след, императрица следовала за ней. Они зашли на мост, по которому двигалась толпа народу, носильщики, солдаты, двухколесные повозки и всадники. Кормилица протискивалась сквозь толпу, императрица пыталась не отставать, но у нее это не очень получалось. Она еще никогда не сталкивалась так близко с тем ужасным, что есть в лицах людей. Мужественно она хотела пройти мимо него, ноги хотели, сердце нет. Каждая поднятая рука, казалось, хотела схватить ее, близость такого количества ртов была отвратительна. Безжалостные, алчные и при этом, как ей показалось, испуганные взгляды стольких лиц слились воедино в её груди. Она видела перед собой кормилицу, которая оглядывалась на неё, она хотела следовать за ней, людской клубок чуть не растоптал её, внезапно она чуть не оказалась под копытами огромного лошака, их взгляды пересеклись,

осознанный кроткий взгляд животного предал ей сил. Всадник ударил осла, который не решался наступить на дрожавшую женщину палкой по голове. «Это потому, что я могу превращаться в животных, моя судьба в жестоких руках людей?» – пронеслось в ее голове, она вздрогнула, на мгновение забылась и очутилась неизвестно как оттесненная людским потоком в конце моста. Она увидела кормилицу, стоявшую возле открытого трактирного лотка, та ждала ее. Там лежали тельца красивых розовато-золотистых рыбок, в которых своими руками копошился негр. На перекладине висел освежеванный ягненок, его голова упала вниз, его кроткие глаза смотрели на неё. Кормилица потянула ее к себе, увидев, как она побледнела и закрыла глаза, и вырвала её из людской толпы в переулок. Здесь было меньше людей, они несли тюки с материей, на домах тут и там сохли на жердях длинные полосы окрашенной материи. Дети-подростки тащили корыта с темноокрашенным материалом на промывку. Старуха остановилась перед самым низким домом красильщика и прислушалась к голосам споривших, которые доносились наружу. Мужские голоса звучали раздражённо, молодой женский голос отвечал зло и надменно, затем вмешался другой мужской голос, его низкий, спокойный тембр, похоже, призывал к миру. Женский голос зазвучал еще с большей злостью и надменностью. «Мне нравится этот голос», – сказала кормилица и кинула императрице, стать ближе к стене. Свара внутри набирала оборотов, в конце концов низкий голос, который говорил меньше всего, приказным тоном, хотя и очень спокойно, настоял на своем. Недовольные, расстроенные мужские голоса приблизились к двери дома. Кормилица сделала вид, что она идет дальше, но ее немощь и болезнь замедляют ее каждый шаг. Императрица скользила рядом с ней, из дома вышли трое мужчин, одноглазый, однорукий и третий, что помоложе, кривой, прихрамывал на левую ногу. «Вероятно, мои братья, – сказал одноглазый, который казался самым старшим из них. – Пристав, который двадцать два года назад выбил мне глаз, ничего не сделал мне по сравнению с тем, что делает жена брату моему». «Правда, ничего, – сказал однорукий, в то время как они свернули в переулок, – проклятая маслобойня, которая пятнадцать лет назад оторвала мне руку, не сделала мне ничего по сравнению с тем, что она делает моему брату». «И верблюд, что девять лет назад сломал мне спину, ничто по сравнению с ней» – добавил брат помоложе. «Действительно, эта баба, наша сноха, – продолжил старший брат, – из-за своего высокомерия и злобы хуже чумы и поэтому она остается бесплодной, хотя молода и красива, а наш брат мужчина из мужчин». «Это наш дом», – сказала кормилица, повернувшись спиной к братьям, лицом к дому. Она быстро зашла в дом, проскользнула коридор и потянула за собой императрицу в низкий сарай, который, казалось, вот-вот развалится от старости. «Мы должны подождать, пока муж уйдет из дома», – прошептала она ей и показала на щель в стене рядом, к которой

приникла глазом. Она указала императрице на другую щель, и они увидели единственную комнату в доме. Императрица увидела очень бедно одетую молодую женщину с симпатичным, но недовольным лицом, сидящую на земле и с разинутым ртом смотрящую вдаль, еще она увидела большого коренастого мужчину сорока лет, он своими темно-синими руками укладывал огромный тюк пурпурного чепрака, обвязывал его бечевками, чтобы взгромоздить себе на спину, он был силен как бык: это был Барак, красильщик. За работой он повернул свое большое лицо к стене, низкий лоб, оттопыренные уши и зияющий рот. Он показался императрице отталкивающе неприятным, а молодая женщина произвела впечатление злой и подлой. Было видно, что красильщику хотелось заговорить с женой; когда все узлы на тюке были завязаны, он неуклюже переминался с ноги на ногу, делая вид, что что-то поднимает с пола возле нее, испачкал руки в луже пролитой краски, бормоча что-то посмотрел искоса на свою жену; но ее взгляд упорно был устремлен в пустоту, будто его здесь и не было. В конце концов он вздохнул, одним махом закинул ношу на спину и, согнувшись как вьючное животное, увесистыми, размеренными шагами направился к двери. Как только женщина осталась одна, она тотчас встала. Она вяло слонялась по комнате, опрокинула ногой старую каменную ступу, что стояла на земле, перекинутая жидкость разлилась на грязном полу. Она наполовину согнулась, чтобы собрать воду, ее губы искривились в пренебрежении, и она оставила все, как есть. Она подошла к ее и красильщика убогому ложу, что было сооружено в самом дальнем углу кирпичной стены из пары старых подушек и покрывал, привела его в порядок, пиная ногой то, что лежало криво. Отойдя в центр комнаты, зло посмотрела на кровать. Зевая, принялась искать в дыре в стене скудный запас желто-зеленых оливковых веток, она бросила ветку перед очагом, что был ничем иным как потемневшей от копоти дырой в стене, и растянулась на полу как человек, который пресытился долгой работой. Ее руки скользили по телу, она непроизвольно улыбалась, чувствуя свой тонкий стан. «Пора, – прошептала кормилица, – заходим». Они выскользнули из сарая и вошли в дверь жилища. Нога императрицы еще никогда не переступала порога человеческого жилья, за исключением ее собственного дворца; беспричинная тревога охватила ее, она снова закрыла глаза, покачнувшись, споткнулась об ручку большого черпака, валявшегося на полу, ища опору, она схватилась за висевший на цепи котел, котел окатил ее пурпурной жидкостью. Когда женщина на своем пороге, на который редко ступала нога незнакомца, увидела старуху, похожую на черно-белую сороку, и молодую спотыкающуюся женщину, она громко рассмеялась, как смеются дети, и долго не могла сдержать свой смех, а старуха тут же попыталась словесным потоком ловко вывернуть ситуацию себе на пользу. «Это не удивительно, – она начала, – что моя дочь споткнулась, за что она просит прощения, дитя не

привыкло к городу, устала от беготни по улицам, в расспросах и поисках. Некоторые указывали неверно, возможно, по незнанию, возможно, по злобе, однако она не отступила до тех пор, пока не нашла верный дом, и вот пред ней ее госпожа, избранная красавица», – на этом она склонилась перед женой красильщика, коснувшись лбом пола, призвав свою дочь сделать тоже самое. «Своими глазами вижу, нет в ней не малейшего сомнения, что мы на верном месте». «Что за правильное место? Кто их послал? С какой целью? Что все это значит?» – спрашивала себя красильщица, дрожа от удивления. Старуха опять, отвешивая поклоны, поведала, что она хорошо знает, что ее молодой госпоже нужна служанка, и она покорнейше просит, при этом она поцеловала подол ее платья, удостоить их чести доказать на деле опыт ее еще крепкого возраста и покорность ее дочери. Молодая женщина чуть не упала замертво от смеха, особенно когда увидела на лбу незнакомок темно-синее пятно от прикосновения к грязному полу. Но кто это, кто их послал сюда и указал возможное место служения, она за многими словами не открыла. Как выяснилось, это был незнакомец на мосту, но не на новом мосту, а на старом, молодой мужчина, совсем юноша, изысканный господин; возможно он действовал по поручению другого человека, гордого, благородного господина постарше, что выглядел как князь, он сначала держался в стороне, но потом тоже заговорил с ней, как она правильно полагает, было, вероятно, так: в его лице молодая госпожа нашла верного и преданного поклонника и друга. На этих словах старуха так дивно и многозначительно сверкнула с красными прожилками глазами, что красильщица сделала шаг назад, сладкая волна удивления накрыла ее, во внешнем мире у нее есть такой друг, пусть она его никогда не видела, никогда до этого часа не видела ни малейших признаков его существования. Старуха приблизилась к ней вплотную, так как она почувствовала, что женщина не отворачивается от нее, а, наоборот, тянется к ней душей, она притворилась, что боится обратного и призвала бога в свидетели, что не может быть большего недоразумения, если они все-таки попали не туда! Она просит позволения спросить, действительно ли замужем молодая госпожа, писаная красавица, уже в течение двух лет, однако при этом, что странно, у нее до сих пор нет детей – это была бы она – замужем за человеком из артели красильщиков солидного возраста – он легко мог бы сойти за ее отца – неказистая фигура, огромный рот и большие уши? Еще мужа зовут Барак. В доме также живут три не женатых деверя, злые, докучливые парни, однорукий, одноглазый и горбатый, сварливые бездельники и нахлебники за столом брата, которых до смерти ненавидит таинственный друг из-за тех хлопот, что они постоянно доставляют его прекрасной госпоже. С этого момента прекрасной красильщице было очевидно, у нее есть тайный друг с тактичной душой и помыслами, больше всего ей льстило, что он знает все до мельчайших подробностей про ее бытие, присматривает за ней и делит с ней те

горести и обиды, которыми якобы так богата ее молодость, благодаря этому ее опостылевшие будни наполнились внезапным внутренним светом, и его отблески отразились на ее лице. «Мы спасены, – закричала старуха. – Мы в правильном месте! Это ты, редчайшая, избранная из тысяч, я знаю, это чувство согревает внутри мое старое сердце. Это ты, которая перепрыгнет через собственную тень, которой пресытили беспрестанные напрасные объятия ее мужа, которая сказала сама себе: «Я сыта материнством прежде, чем испытать его. Это ты, которая выбрала стройность нетронутого тела, в своей мудрости отказалась нарушить свое лоно и отказалась от рано увядших грудей». Старуха произносила эти речи громким голосом наподобие праздничного песнопения, а отвратительная гримаса, которую она выбрала для мира людей, действительно напоминала голову пятнистой змеи, приготовившейся к нападению. Жена красильщика смотрела на беззубый рот, в котором быстрый язык плел между тонких губ волшебные сказки, и не знала, что с ней: что-то похожее на происходящее лежало темным пятном на ее душе между сном и бодрствованием в течение двух лет ее бесплодного брака, она никогда этого не произносила, даже самой себе, возможно, с губ сорвалось невысказанное в полудреме, когда она должна была как безвольный ребенок подчиниться с вялой брезгливостью не иссякающей нежности сильного красильщика – это прозвучало, и никто, кроме Барака, не мог этого знать. И если что-то и проникло в тайники его души, никогда у него язык не поворачивался это сказать, а тут незнакомая женщина пела ей это в уши, и это звучало как похвала в переплетении с предсказаниями, украшенное волнующим посланием неизвестного влюбленного; ни один человек с ней так не разговаривал, от смущения и важности происходящего ее поочередно бросало то в жар, то в холод, любопытство и стыд гнали ее прочь и манили к старухе, она чувствовала, что от волнения плач застыл в ее груди, она сжала губы, чтобы не выпустить его наружу и отвернулась. Старуха за спиной украдкой подала императрице знак, она указала пылающим взглядом лысых, без ресниц глаз на блёклую тень, которую отбрасывала женщина в полутемной комнате, будто поглаживая ее, протянула к ней пальцы, как если бы она могла сорвать ее с пола и вручить своей госпоже. Она закружила вокруг красильщицы и начала разжигать огонь смятения новыми, проникновенными заверениями в готовности служить. «О госпожа, окажи милость и удовлетвори нашу просьбу, испытай нас и возьми позже с собой в свою радостную обитель». «Ты безумная, – сказала женщина. – Здесь и нигде больше моя обитель. Там черпаки вымыть, мешалки вычистить, ступу вымыть, бадью вылить, пол помыть, в корыто набрать воды, разогреть котел с холодной водой, с горячей помешать, выскоблить там шкуру, перемолоть мешок зерна на ручной мельнице, пусть течет масло по шлангу, а рыбу на сковородку, пусть огонь горит, а рыба жарится, лепешки подходят. Барак, мой муж, голоден, да одноглазый, однорукий и горбун тоже

хотят есть». «За дело, дочь моя, – закричала старуха как одержимая, – вперед и поторапливайся, мы должны убедить нашу госпожу, чтобы она приняла нас в дни своего благоденствия». «К чему эта бессмыслица», – сказала женщина и засмеялась. «За сковородки, огонь гори!» – пронзительно закричала старуха, не отвечая ей. Сковородки по воздуху приплыли к ней в руки, а зеленые оливковые прутики начали потрескивать. «Кто вы, – сказала дрожащим голосом красильщица. – Кто эта безмолвная молодая женщина, она действительно твоя дочь? Она не похожа на тебя, почему она держится в темноте и так пристально смотрит на меня?». Вспыхнуло пламя огня, и тень молодой женщины протянулась по глиняному полу до дальней стены. «Сюда рыбки из закромов рыбаков», – закричала старуха, не прекращая колдовать над огнем. Семь рыбок приплыли по воздуху в тонкие пальцы старухи и опустили свои розовато-золотые тельца рядом с друг другом на колоде. «Кто вы?» – повторила женщина, затаив дыхание. «Пряности из садов моей госпожи!» – закричала старуха приказным тоном и выставила свои когти в пустоту, запах пряностей наполнил комнату. «Какой госпожи?» – закричала молодая женщина как во сне, полуживая от страха и любопытства. Старуха бросила рыбок на сковородку, полила их маслом и отправила на огонь. «Спроси у зеркала!» – бросила через плечо. «У меня нет зеркала, – поспешно возразила красильщица, – я причесываюсь над чаном». Пламя огня поднималось выше, и тень становилась все красивее и красивее. «К чему это приведет?» – думала императрица, дрожа от неведения и нетерпения. У нее было чувство, что рыбки жалобно заголосили. Да, они очень отчетливо пропели слова:

Мама, мама, пусти нас домой.

Дверь на запоре, нам не зайти.

«Где я, – проговорила императрица. – Только я это слышу?». В какой-то момент эти звуки проникли в самые сокровенные глубины ее души, никогда с ней не происходило подобное. Кормилица орудовала над огнем как одержимая, сковородки подпрыгивали, масло кипело, рыбки похрустывали, пироги подходили. Она крикнула в воздух, в ее протянутой руке оказалась дорогая лента, усыпанная жемчугом и драгоценными камнями, как та, которой она скрепляла письмо, в другой круглое зеркало. Она склонила колени перед красильщицей, которая присела на пол возле нее. Старуха протянула ей руку, лента вплелась в волосы, юное лицо горело в круглом зеркале будто рожденное багряным огнем. Жалобно запели рыбки:

Нам темно и нам страшно,

Мама, пусти нас внутрь.

Или позови любимого папу,

Чтоб он открыл дверь!

«Они не слышат это?» – подумала императрица, у нее потемнело в глазах, но ощущения не пропадали. Она отчетливо видела две другие фигуры. Молодая лежала, съежившись, и не отрывалась от зеркала, старуха металась туда-сюда между ней и очагом. «Я видела похожий сон», – произнесли губы красильщицы. Лицо молодой женщины изменилось, ее следующие слова невозможно было разобрать. Старуха подпрыгнула к ней как нежный любовник, присела возле нее и рот прошептал ей на ухо: «Тебе также приснилось, что это будет вечно?». Они поняли друг друга с полуслова. Молодая женщина была на седьмом небе от счастья, она закатила глаза, были видны только сверкающие белки. «Сначала три ночи – у тебя хватит сил? – прошипела старуха. – Три ночи без твоего мужа». Молодая женщина три раза кивнула: «Это ерунда, что дальше? – прошептала она. – Это дурно? Это отвратительно, что это, что я должна сделать?». «О невинное дитя, – закричала старуха, гладя ее руки, щеки, ступни. – Сущая безделица». «Ты будешь со мной?» – выдохнула красильщица. «Разве мы не твои рабыни с этого часа!» – закричала старуха. «Скажи мне, как это будет» – спросила молодая. «Ты ожидаешь большое и будешь удивлена малым – ответила кормилица. – Три ночи и решимость, это самое сложное». «Решение принято, три ночи для меня легко, скажи, в чем заключается работа».

«Ты выскользнешь на сходе дня и ночи из дома к открытой воде», – сказала старуха. «Река поблизости» – прошептала молодая.

«Ты повернешься спиной к бегущей воде и скинешь одежду, ничего не должно быть на тебе, кроме туфли на левой ноге».

«Ничего, кроме этого?» – проговорила красильщица и испуганно улыбнулась.

«Затем возьмешь семь таких рыбок, бросишь левой рукой через правое плечо в реку и трижды повторишь: «Отойдите от меня, вы проклятые, и живите у моей тени». Так ты навсегда избавишься от нежеланных и начнется блаженная жизнь, по сравнению с которой эта лента и трапеза, что я приготовила, лишь жалкая закуска».

«Что это значит, что я скажу им, нежеланным, живите у моей тени?»

«Это часть сделки, которую ты заключаешь, и будет значить, что с этого часа твоя смутная тень отойдет от тебя, и ты будешь сиять, что спереди, что со спины». Женщина потерянно посмотрела мимо зеркала. «Я сделаю это», – добавила она. «Мама, о горе» – закричали рыбки умирающим голосом и сварились. Только императрица слышала этот крик, который пронзил ее, что она должна была закрыть глаза на неопределенное время. Когда она их снова открыла, то в отблеске затухающего огня увидела, как красильщица согнулась, чтобы поцеловать старухе руку. В начале комнаты, возле огня, из половины супружеского ложа для красильщика Барака было приготовлено место для сна, а сзади, перед ложем жены висела занавеска. Кормилица склонилась перед красильщицей и потянула за собой дочь к двери. «Что произошло?» – спросила императрица, когда они вступили в ночь. «Многое», – ответила кормилица. «Свершилось?» – спросила императрица и доверительно прикоснулась к кормилице, не будучи среди людей, она больше не пугала ее. Кормилица наградила ее насмешливым взглядом: «Терпение! – сказала она. – Всему свое время».

Третья глава

Красильщик Барак пришел домой поздно. В комнате было темно, и стоял аромат как в доме богача. Он зажег свет и, к своему огромному удивлению, увидел, что семейное ложе разделено пополам, одна половина в совсем непривычном месте, ближе к очагу, казалось, ждала его, другая была завешена куском материи. Он подошел туда, прикрывая ладонью свет, отодвинул занавеску и увидел свою жену, как ребенок спавшую со сжатыми кулаками. Ее дыхание было ровным, она показалась ему такой желанной, но он сдержался, неслышной поступью подошел к очагу, по запаху нашел остатки роскошной трапезы из рыбы, пряных, на масле жареных пирогов, которых он никогда до этого не пробовал. Он отложил половину рыбины и кусок пирога и тихонько отнес эти остатки в сарай, чтобы его младший брат, горбун, если ему ночью или рано утром захочется полакомиться, нашел это. Он повернул к своему ложу, справил короткую молитву, сидя на кровати, застыл на мгновение, пристально посмотрел на занавеску, которая скрывала фигуру его жены. Никакого движения не было, с тихим вздохом, который, однако, как и все у него был массивным, расправил свои члены и тут же заснул. На следующее утро, до рассвета, он вышел к реке,

взял свою ступу и расположил свою работу в ста шагах от дома, чтобы не потревожить шумом сон жены. Когда он вернулся, то увидел двух незнакомых женщин, которые проскользнули внутрь, переступив порог дома. «Это мои тетки, они будут в моем услужении без платы», – сказала женщина, которая, на его удивление, уже встала. Когда обе незнакомки склонились, чтобы поцеловать подол ее платья, ее манера, как она позволила это, была полна изящества, ему показалось, что он еще никогда не видел ее такой красивой. Но у него не было времени, тешить себя ее ликом. Он взгромоздил приличный тюк свежевыкрашенных шкур животных себе на спину, старуха подпрыгнула ему помочь. Она подбежала к двери и распахнула ее перед ним и склонилась, когда он проходил мимо. «Возвращайся скорее домой, мой повелитель, – закричала она. – Моя госпожа изнывает от тоски, когда тебя нет!». Одним прыжком она очутилась возле молодой госпожи, ее лицо насмехалось без слов над вышедшим. «Мгновения как золотая пыль, что утекает, – прошипела она. – Давай я украшу тебя, и мы пойдем».

«Нам нечего делать за пределами дома», – сказала женщина.

«Ты разрешишь, я позову того, кто горит желанием прийти».

«О ком ты говоришь это?» – сказала женщина отрешенно и твердо посмотрела ей в лицо. Кормилица растерялась, но не показала виду. «О том, что на мосту, – без тени смущения ответила она, – о нем говорю, о самом несчастном из мужчин! Позволь мне позвать его и привести к уделу его мечтаний и надежд!». «Я хочу, чтоб в доме было чисто, – сказала красильщица и посмотрела мимо старухи. – Котел должен блестеть, выскоблить ступы, старые мешалки должны выглядеть как новые, пол вымыть, и поторапливайтесь, одно за другим». «О моя госпожа, – жалобно протянула старуха, – помни, есть тот, которого мысль о твоих распущенных волосах заставляет колени дрожать». «Чаны на улицу на промывку, – закричала красильщица, – ты бесстыжая, вычистить корыта и бочки, дрова наносить из сарая, пять сажень дров, разжечь огонь для котла, мельницы должны так работать, чтоб искры летели, кровати заправить, вперед, раз, два! Шевелитесь вы двое! Барак, мой муж, должен радоваться, что у меня две прислужницы». «О горе нам», – закричала старуха и упала в ноги женщине. «Пошли прочь, дочь моя, госпожа нас презирает, и не хочет, чтоб мы ей сослужили настоящую службу!»

«Разве вы не присягали быть в моем услужении или нет? – зло закричала красильщица и выдернула ногу из рук старухи, что та покачнулась. – Клялись

или нет?» Она топнула ногой. Кормилица и императрица забегали, они привели в порядок кровати, они вынесли чаны и инструменты на промывку, натаскали дров из сарая и сложили дрова штабелями, вычистили ступу и выскоблили черпаки. В это время красильщица вытащила из-под подушки драгоценную ленту и зеркало. Она сидела на земле на связке сушеных трав и украшала себя, но лицо оставалось безрадостным. «Вы думали, что я у вас в кармане, – бросила она через плечо. – Раньше нужно было вставать. Теперь побегайте до седьмого пота». «Ты проголодаешься, моя госпожа, – смиренно сказала кормилица. – Ничто так не пробуждает голод как смотреть на то, как работают другие», – и протянула ей на маленькой тарелке ассорти из разных паштетов с тонким пряным запахом, каких жена красильщика отродясь не видела: она с удивлением смотрела на них, взяла тарелку и съела один за другим все бутерброды. Когда Барак пришел в обед домой, она была не голодна и не притронулась к еде, которую приготовила кормилица и которая так пришлась по вкусу Бараку. Она по-прежнему мало говорила и не отвечала на вопросы мужа. Он не проглотил ни кусочка без того, чтобы не вытаращить свои круглые глаза на нее, белки его глаз начинали блестеть от беспокойства или сосредоточенности. «Молитесь, вы разделившие с нами трапезу, – сказал Барак тетушкам, которые сидели поодаль на земле и поглощали остатки пищи. – Молитесь, чтоб она снова смогла есть и чтобы это пошло ей на пользу. Вы, должно быть, знаете, – продолжал он, – неделю назад я пригласил к нам в дом всех моих родственниц, они вели красивые речи, кумушки, о ней, моей жене, и я, знаете, семь раз на ночь ел то, что они благословили пожеланиями плодородия. И если моя жена ведет себя странно, иначе, чем обычно, то восхваляю я эту необычность и склоняюсь перед этими изменениями: да снизойдет счастье на мою голову, в ожидании мое сердце». Лицо молодой женщины побледнело от злости. «Но пучеглазые ведьмы, – сказала она искривленным гримасой ртом, – должны были знать, что нашептывание заклинаний, должны были знать, не имеет власти над моим телом, и что этот мужчина принял на ночь, должны были знать, не влияет на мою женственность». Она резко поднялась с земли, направилась в глубину комнаты к своей кровати и задернула занавеску. Барак тоже встал, его рот открылся, будто он хотел что-то добавить, его глаза следили за занавеской, которая скрывала его жену. Молча он начал укладывать большой тюк окрашенной материи, чтобы водрузить его себе на спину. Когда он закончил, будучи возле двери, поправил груз на своей спине и дружелюбно сказал тетушкам: «Я не зол на жену из-за ее слов, у меня радостно на сердце, я в ожидании благословенных, что придут». «Они не придут, – прошептала про себя женщина, – ни в этом доме, скорее уйдут отсюда». Она прошептала это почти безмолвно за занавеской, что никто не мог это услышать; но кормилица все же услышала, моргнув лысыми, без ресниц глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/fon-gofmanstal-_gugo/zhenschina-bez-teni

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить